

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.64>

Демченко Александр Иванович

[Столетие назад](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/64.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 323-326. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

In Memoriam

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.64>

Демченко Александр Иванович, д. иск., проф., главный научный сотрудник и руководитель Центра комплексных художественных исследований
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

Столетие назад

Михаил Алексеевич Кузмин (1875-1936) родился в Ярославле, и когда ему был год от роду, семья Кузминых переехала в Саратов. Здесь он учился в гимназии, и впечатления детства время от времени отзывались в его творчестве. Притом, что впоследствии он без особого восторга вспоминал о своём пребывании на Волге, в его душе эпизодически звучали струны, настроенные в тон великой реке. Так, в сорокалетнем возрасте, в натуре, избалованной столичной жизнью, неожиданно просыпается чувство, которое могло возникнуть только у того, кто когда-то соприкасался с естеством больших просторов, вдыхал запах степных трав, слышал звучный благовест колоколов.

Исходным побуждением к написанию стихотворения «Просохшая земля...» (1916), конечно же, послужило время всеобщих испытаний («слякоть» и жертвенность затянувшейся Первой мировой войны), но только благодаря воспоминаниям далёкого волжского детства поэт-сибарит мог заговорить новым для себя языком и пробудить дремавшую в глубинах его души ноту русской соборности, почувствовать радость близости к земле, а через пантеистические ощущения приблизиться к единению с людским миром. И никакой иронии, которую так ценили в нём эстеты, и вера в то, что с молитвой «отвыкнет бедная душа хромать».

*Просохшая земля! Прижаться к ней,
Бессолнечную смену мёртвых дней
Ясней позабывать и холодней!*

*О, твёрдая земля, родная мать!
Научишь мудро, просто понимать.
Отвыкнет бедная душа хромать.*

*Как сладок дух проснувшейся травы,
Как старые ручьи опять новы,
Какой покой с высокой синевы!*

*Раскиньтесь, руки, по земле крестом!
Подумать: в этом мире, в мире том
Спасёмся мы Воскреснувшим Христом!..*

Но вернёмся к тому, что считается определяющим в поэтическом наследии Кузмина. Будучи одной из заметных фигур многочисленной плеяды творцов русского Серебряного века, он вначале примыкал к символизму, затем к акмеизму. Печататься начал с 1905 года, то есть в тридцатилетнем возрасте, что для поэтов достаточно поздно, но зато первые же поэтические сборники принесли ему широкую известность («Сети» (1908), «Осенние озёра» (1912), «Вожатый» (1913), «Глиняные голубки» (1914)). Он быстро прослыл «королём эстетов», законодателем мод и тона. Александр Блок услышал в его стихах «дыхание артистичности» и «пленительное лукавство». Действительно, они подчёркнуто элегантны, в них господствует дух изящной игры и заведомого представлечества.

Достаточно вслушаться в одно из его ранних стихотворений – «Где слог найду...» (1906). Сразу же обращает на себя внимание изысканный слог (пятистрочие с выдержанной перекрёстной рифмой *a a b a b*) и то, как звучно разработана система аллитераций с рокошующим *po* в конце первой строфы (*перo, Пьерo, Фигарó*).

*Твой нежный взор, лукавый и манящий –
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьерo и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигарó».*

*Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душевных,
Весёлой лёгкости бездумного житья!
Ах, верен я, далёк чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!*

Как видим, автор явно демонстрирует свою начитанность, широко раздвинутые культурные горизонты. Этот этюд-портрет полон игривости и весёлой лёгкости. Россыпью мелькают эпитеты-характеристики, нанизываемые блестящим ожерельем: *нежный, лукавый, манящий, милый, звенящий, капризное, пьянящий, прелестных, воздушных* – так возникает прихотливый веер черт и чёрточек «бездумного житья», ещё большую легковесность которому придают определения типа *милый взор* и *дух мелочей*.

Для современников Кузмина главное очарование его стихов состояло в высоком, эстетизированном си-баритстве лирического толка. Гедония, культ чувственных наслаждений, в том числе и с оттенком эротизма – одна из соблазнительных и соблазняющих граней Серебряного века, и поэзия Кузмина превосходно удовлетворяла потребность в этом соблазне.

Причём удовлетворяла в той притягательной манере, когда обо всём говорится недомолвками, вскользь, неопределённо – как раз в подобной «невнятности» и состоит особый шарм недосказанности, загадочности. Вот, к примеру, как выглядит это в стихотворении «**В лёгкой лени...**» (1912), где можно только предполагать и догадываться, что речь идёт о неге лирического единения мужчины и женщины, о блаженстве сладостных объятий.

*В лёгкой лени
Усыпленья
Все ступени
Наслажденья
Хороши!*

*Не гадаешь,
Замирая,
Где узнаешь
Радость рая
В той тиши...*

Здесь не может не восхитить изысканная лёгкость конструкции стиха (каждая строка состоит из одного-двух слов) и его исключительная музыкальность – между прочим, Кузмин учился в Петербургской консерватории, впоследствии писал музыку к своим песням и исполнял их в сопровождении гитары.

Валерий Брюсов справедливо отмечал у него «дар стиха певучего и лёгкого». Стих этот по внешности обращён к чувственно-осязаемому предметному миру, но внутренне, как это зачастую бывало у поэтов Серебряного века, он устремлён к *нездешнему*, то есть к тому желаемому и желанному, которого так недостаёт в реально существующем мире (одна из поэтических книг Кузмина носит название «Нездешние вечера»).

Любопытно было бы проследить, как и куда могло уносить поэта воображение на примере большого стихотворения «**Вы думаете...**» (1913), где он говорит о себе именно как о поэте, назначение которого быть особым рода исследователем («географом») человеческих душ, потому что душа, по Верлену и Кузмину, тот же ландшафт.

*Вы думаете, я влюблённый поэт?
Я не более, как географ...
Географ такой страны,
которую каждый день открываешь
и которая чем известнее,
тем неожиданнее и прелестнее.
Я не говорю,
что эта страна – ваша душа
(ещё Верлен сравнивал душу с пейзажем),
но она похожа на вашу душу...*

И далее на протяжении более полусотни строк Кузмин вводит новые и новые ракурсы вольных витаний души, парящей в высях мечтаний. Сколько здесь блёсток подлинной поэтичности (*...там озёра и реки... // с весёлыми берегами // и грустными песнями, // с белыми облаками на небе; // там всегда апрель, // солнце и ветер... // стая журавлей в синеве*) – поэтичности, поддержанной изысканной игрой слов («*О, янтарная роза // розовый янтарь...*»), и какая влюблённость в жизнь, которая грезится! И когда он чрезмерно увлётся, когда его голова закружилась от «*монтрашье и шаблы*», поэт вспоминает о «здешнем» и вынужден трезво прервать себя: «*Но, тише...*»

И что не может не пленить в этом произведении, так это завидная свобода «говорения». Кузмин изъясняется паразитально легко и свободно, следуя течению вольных мыслей, в опоре на свободный стих. И надо заметить, что, наряду с обращением к строгой форме сонета, излюбленной поэтами Серебряного века, он одним из первых стал разрабатывать в русской литературе технику верлибра.

Новации в искусстве версификации в известной мере начали привлекать внимание Кузмина ближе к середине 1900-х годов, и он не раз откликнулся на экспериментальные веяния времени, в том числе в чём-то сближаясь с «поэзами» И. Северянина, как видно это в стихотворении **«Белая ночь»** (1917).

*Загоризонтное светило
И звуков звучное отсутствие
Зеркальной зеленью пронзило
Остекляненное предчувствие.
И дремлет медленная воля –
Секунды навсегда отстукала, –
Небесно-палевое поле –
Подземного приёмник купола,
Глядит, невидящее око,
В стоячем и прозрачном мреяньи.
И только за небом, высоко,
Дрожит эфирной жизни веянье.*

К сожалению, в подобных случаях присущая Кузмину утончённость переходила в некоторую манерность, оборачиваясь самоцельным изыском. И то, что прежде могло быть милой парадоксальностью (стихотворный цикл с несколько «странным» названием «Осенний май»), теперь представало порой искусственным словотворчеством с включением надуманных алогизмов («звуков звучное отсутствие»).

Такого рода увлечения сопровождали Кузмина до начала 1920-х, смыкаясь с футуристическими и конструктивистскими опытами, как представлено это в стихотворении **«Косые соответствия»** из сборника с симптоматичным заголовком «Парабола» (1922).

*Косые соответствия
В пространство бросить
Зеркальных сфер –
Безумные параболы,
Звёнья, взвивают
Побег стеблей.*

*Зодиакальным племенем
Поля пылают,
Кипит эфир,
Но все пересечения
Чертёж выводят
Недвижных букв
Имени твоего!*

С этого времени поэтическая струна в творчестве Кузмина начинает ослабевать, и на передний план выдвигается стихотворная стилизация (цикл «Александрийские песни», ориентированный на античные размеры) и проза, столь же искусно стилизованная под позднеантичную литературу или XVIII век (выделяется авантюрный роман «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»), а также переводы зарубежных классиков (Апулей, Боккаччо, Шекспир).

Это «бегство» в прошлое во многом определялось неприятием чуждой для него яви послереволюционных лет. Она настолько ожесточила его душу, что смогла породить стихотворение **«Ангел благовествующий»** из цикла с демонстративным названием «Плен» (1919) – стихотворение, совершенно неожиданное для поэта, всегда с брезгливостью относившегося к политике.

*Бац!
По морде смазали грязной тряпкой,
Отняли хлеб, свет, тепло, мясо,
Молоко, мыло, бумагу, книги,
Одежду, сапоги, одеяло, масло,
Керосин, свечи, соль, сахар,
Табак, спички, кашу –
Отняли
Всё,
И сказали:
«Живи и будь свободен!»
Бац!
Заперли в клетку, в казармы,
В богадельню, в сумасшедший дом,
Посеяв ненависть и тоску...*

Не твой ли идеал осуществляется, Аракчеев?

«Живи и будь свободен!»

Бац!

Тем не менее, для нас Михаил Кузмин всегда останется прежде всего поэтом-лириком. И, может быть, особенно драгоценны у него лирические признания, где нет свойственного ему снисходительно-ироничного взгляда на вещи. Одно из них – «**Не могу я вспомнить без волнения...**» (1909), где он очень искренно, безыскусно, с душевной открытостью задаётся вопросом по поводу того, что почти невозможно объяснить: казалось бы, всё то же, что было у него и у неё, когда возникло чувство, а теперь оно куда-то улетучилось, и вместо радостных волнений осталась только печаль.

Не могу я вспомнить без волнения,

Как с тобой мы время коротали!

А теперь печали дни настали,

Ах, печали, ревности, сомненья!

Как осенним утром мы бродили,

Под ногами листья шелестели...

Посмотри: деревья всё не те ли?

Эти губы, руки – не мои ли?..